

лучше всего с этим разобраться. Я предлагаю натурализованную этику, у которой мало общего с философской теорией, основанной на этическом натурализме.

Перевод с английского Р. Апресяна

О.П. Зубец¹

Мораль явлена человеку наиболее непосредственным образом в том, что, будучи полностью детерминированным (природно, социально, психологически), он тем не менее поступает от своего имени, признает поступок своим, а себя считает его автором. *Мой* – в моральном смысле означает выведение за скобки любой детерминации, в том числе и нормативной. Поступок в оптике морали есть нечто абсолютное, тождественное абсолютности его субъекта. Он ничем не детерминирован, кроме моей субъектности, и я признаю его своим совершенно независимо не только от того, в какой степени он детерминирован или не детерминирован обстоятельствами, но через полное отрицание этой детерминированности. То есть даже если я убил человека, случайно упав на него с крыши, в пространстве морали это будет убийство в полном смысле, и убийство, совершенное именно мной, даже если я и был уподоблен камню. Мораль – и это чутко выразило христианство в остром неприятии гордости – ядро богоподобия человека, поступающего от своего имени, претендующего на творение мира посредством поступка.

Философско-этическое понимание морали (которое есть одновременно и задание ее в культуре) принципиально отличается от того, как она видится в социальной или психологической оптике, в которой поступок не может не быть абсолютно детерминированным. Дело морали – порождение такого пространства, в котором поступок, полностью детерминированный вне этого пространства, является в нем исключительным делом морального субъекта.

Специфика морального взгляда человека на мир заключается в первую очередь в том, что сам этот мир разворачивается как сфера личной индивидуальной ответственности, как «мой мир», который включает в себя всю бесконечность последствий моих поступков. Я принципиально не могу вычлениить в нем отдельную часть,

¹ Ольга Прокофьевна Зубец – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии РАН. Автор статей об аристократизме, истории ценностных понятий, ряда статей, посвященных идее единственности и центральности морального субъекта как основе философской этики.

за которую отвечаю, и отмести все остальное, так как сама логика такого вычленения предполагает устранение меня как субъекта морали: ведь пытаясь разделить то, что зависит от моей воли, от моего решения, от моих действий, и то, что от них не зависит, а детерминировано «не-мной», а социоприродной и всеми иными формами детерминаций, человек неизбежно устранил, с одной стороны, весь мир, так как этот мир полностью детерминирован и всему можно найти причину, а с другой – сведет свою субъектность к исчезающему в бесконечности нулю: устранение мира из себя оказывается тождественным устранению себя из мира. Иными словами, единственный способ сохранить свою субъектность, т.е. быть субъектом морали, субъектом индивидуального ответственного действия, заключается в принятии *всего* мира как своего, порожденного собственными поступками. Мораль исключает поступок, в котором «Я» вычленяло бы отдельную сферу *моей* ответственности, отсекая то, что детерминировано *не-Я*: в таком случае Я полностью бы было уничтожено *не-Я*: содержанием моего сознания, моей биографией, психикой, физиологией – и так можно продолжать до бесконечности.

Единственным основанием поступка является авторство субъекта – субъектное инициирование поступка не имеет иных оснований, кроме самой субъектности: иначе нельзя было бы говорить о субъекте. И это решение не есть акт познания мира и промысленного выбора (в таком случае оно было бы лишь субъективно опосредованным вписыванием человека в паутину детерминации), но лишь решение поступать от себя – что есть избрание бытия, решение быть, а значит, избрание себя, а не другого в себе, словами Аристотеля. Когда поступок уже совершен, возникают цепи необходимых причинностей: предшествующих, делающих поступок детерминированным социально, психологически, даже механически... и последующих. Собственно, все эти причинности, вся эта детерминированность выражает лишь тот факт, что поступок совершен, он объективирован, вещественен и принадлежит миру вещей именно в той мере, в какой он детерминирован. Но в той же степени он неустранимо принадлежит морали – в силу того, что является моим. Быть *моим* и означает быть тем, за что я несу ответственность. Ответственность означает именно признание собой – «мой» означает принадлежащий моему миру, как тождественному мне. Если помыслить некий источник вопрошания, задающий один единственный вопрос – тот вопрос, который задает мать напавшему или, наоборот, отличившемуся ребенку: «Кто это сделал?», то ответственность есть ответ «Я!» и это есть первая и последняя явленность субъекта. Но моральный субъект единственен – нет никого, кто мог бы задать ему этот вопрос, не выводя в социальное пространство (даже Бог, задавая его, устраняет субъекта). Задание вопроса самому себе означает

раздвоение *Я* – что имеет те же последствия. «Мой» есть ответ на несуществующий, незаданный вопрос – жест, ответ, который не допускает вопроса. Моральная ответственность не есть ответ запросу извне, не ответ на вопрос к самому себе, она задает самого того, кто мог бы спрашивать и отвечать: *мой* и *Я* тождественны. Моральный субъект – вне структур пространства и времени, вне логики и структур языка, познания, и, конечно же, вне и независимо от любой явленности в моральном языке. Когда мы начинаем рассуждать о моральных явлениях так, как они видятся извне, мы неизбежно имеем дело с бессубъектным миром: мы не можем примыслить, вымыслить в него субъекта. В этом случае мы имеем дело лишь с объективированными бессубъектными действиями, продуктами, смыслами и т.п. В этом пространстве существует правовая или иная социальная ответственность, но не моральная. С последней нам нечего делать – мы не можем ни предъявить ее, ни описать ее. То, что часто называется моральной санкцией, оценкой есть лишь форма социальной санкции, может быть, не сливающейся с правовой, но дополняющей ее в том же социальном пространстве.

Человек обрывает паутину причинностей и задает себя в качестве автономного признанием поступка (а через него – и мира) своим – абсолютно и изначально своим, вне и независимо от какой-либо детерминации. Именно совершая поступок как свой, даже если с точки зрения социологии, психологии и законов механики он мне совершенно не принадлежит. Через такое присвоение себе мира, через установление себя в качестве ответственного начала независимо от спецификации собственного вменяемого участия, вне калькуляций, обособления намеренного и проч. – всего того, что лежит в основе идеи правовой ответственности, человек задает себя в качестве его единственного и абсолютного начала: моральная ответственность, таким образом, предшествует свободе. Но необходима ли свобода для самого присвоения себе поступка? Собственно, если для моральной ответственности не важно, в свободе или несвободе совершен поступок, если ей не нужна свобода в качестве собственного условия, то понятие свободы поглощается автономией, абсолютностью, отодвигается на задворки оснований морального бытия, оставляется для политической и правовой мысли. Субъект не может быть свободен или несвободен – он предшествует или, вернее, абсолютно преодолевает, игнорирует эту дихотомию. Она принадлежит несубъектному бытию, взгляду извне.

При решении вопросов правовой ответственности сообщество разрывает цепи причинности в некотором условном и договоренном месте, проводит границу, за которой человек считается автором поступка, несущим за него ответственность. Сам человек может провести те же разграничения, только встав на точку

зрения извне, увидев себя в качестве детерминированной вещи, т.е. отказавшись от своей субъектности, овеществив себя. Нравственная ответственность есть утверждение субъектности вне какого-либо отчленения того, что зависит от меня, и того, что от меня не зависит, она основана на том, что человек морально ответственен не в локальных уголках, оставленных недосмотревшей или неусмотренной необходимостью, не в пространстве детерминации, а в совершенно ином пространстве, в котором лишь моральный субъект является единственной и абсолютной причиной поступка, а так как сам поступок уходит своими следствиями и смыслом в бесконечное будущее, а также стягивает к себе и бесконечные связи прошлого, то ответственность распространяется на весь мир, на все, что происходило и происходит в нем. Любая попытка отграничить ответственность субъекта превращает его в детерминированное вещное начало, поэтому моральная ответственность может быть только абсолютной, как и сама субъектность. Я сам в утверждении своей *субъектности* преодолеваю свою *субъективность*, я устраняю в качестве значимых и определяющих для моей ответственности за мир, моего присвоение мира, мои субъективные мотивы, намерения, степень познания и понимания как этого мира, так и отдельных ситуаций, в которых я поступаю. Именно поэтому я и способен поступать, т.е. действовать от своего имени, в ситуации неодолимого незнания. Совершая поступок, я признаю своими все необозримое бесконечное многообразие необходимых связей, которые порождает этот поступок, т.е. присваиваю и собой придаю бытийственность и всему пространству необходимости. Так субъект устраняет субъективность и утверждает мир в его бытийственности.

Суть морали не в том или ином содержании ценностей или норм, а в том, что она есть моя субъектность. И суждение «Я мыслю» есть поступок, ибо он означает, что я считаю мое мышление и его результаты моими и несу за них ответственность: и за их истинность, и за все возможные и уходящие в бесконечность последствия моих мыслей, идей, знания. Каждый мой поступок изменяет всю структуру мира – не только его будущее, но и прошлое. В этом смысле я являюсь субъектом всей истории человечества, а значит, и его воплощением – в своей единственности. Разве я не несу ответственность за Холокост, за инквизицию, за смерть Сократа? Любой, отвечающий отрицательно, исчезает из морального пространства, умирает как субъект.

Субъектность делает возможным все то, что считается содержанием морали, и сама порождает некоторое содержание: «Не убий» и «Не лги» выражают в пространстве субъектности не запрет, а нечто невозможное: моральный субъект не может убить и солгать, не разрушив, не отменив свою субъектность. И эта невозмож-

ность собственного бытия в небытии обнаруживает себя в абсолютности морального запрета, иначе говоря, абсолютность запрета есть форма субъектности.

Субъект морали принципиально единственен – у поступка не может быть двух авторов, у ценностного мира не может быть двух центров. И если в пространстве восприятия мира *Я* оказывается юмовской связкой впечатлений, если в пространстве мышления *Я* по-сократовски раздваивается, в пространстве познания *Я* отрицает себя в объективированном знании, то в поступке и только в поступке *Я* выступает как центральная единственность, причем как бахтинская должествуемая единственность, обеспечивающая собой универсальность и общезначимость морали. Именно единственность человека морали способна породить бытие *Другого* как собственное, т.е. неовещественное бытие.

В морали человек принципиально не равен другим, он исключительно одинок в своем творении мира через поступок и в своей ответственности за мир. Он более одинок в них, чем в мышлении, когда находит собеседника в самом себе. В поступке он абсолютно единственен, но не единичен, как единичен человек в пространстве социальности.

Мораль принципиально нерядоположена: она дана в индивидуально-ответственном поступке вне зависимости от его регулятивной или ценностной «прописки». Это делает несостоятельными попытки определить мораль через выявление ее специфики, когда ее рядоплагают с какими-то явлениями по выделенному признаку: регулятивная, нормативная форма (сопоставляют с обычаем, правом), ценностное сознание (с наукой и искусством) и т.п.

На мой взгляд, философско-этическое определение морали таково: мораль – это субъектность. Это тавтология, но говорить об абсолютном начале можно, только умножая его имена, но не выводя из чего-то иного.

Olga Zubets¹

The most immediate way morality manifests in human perception is that despite being a purely deterministic creature naturally, socially and psychologically, one can nevertheless act on one's own behalf, acknowledge the action as one's own and oneself as its

¹ Olga P. Zubets – Senior Research Fellow, Ethics Department, Institute of Philosophy, RAS. An author of the articles on the aristocraticism, the history of value notions, justifying the idea that the concept of moral subject in their one-and-the-onliness and centrality is the foundation of philosophical ethics.